

ЭХО НА ЧАСТОТЕ 140.85

РОМАН О ВЫЖИВАНИИ В МИРЕ PROJECT ZOMBOID

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

— ДЖЕЙ ЭШ —

18+

Джей Эш

Эхо на частоте 140.85

«Автор»

2026

Эш Д.

Эхо на частоте 140.85 / Д. Эш — «Автор», 2026

Эхо на частоте 140.85 Роман о выживании по мотивам мира Project Zomboid Август 1993, Кентукки. Мир рухнул две недели назад. Бывший пожарный Рэй Митчелл с травмированной спиной и горстью таблеток просыпается в пустом доме. Его дочь в Малдро, в лагере для беженцев, и он должен идти туда. С ним — только фотография, армейская рация с мёртвого солдата и надежда, что она ещё жива. В дороге к нему присоединяются женщина с арбалетом, молчаливый ребёнок и мрачный военный Крис, знающий об эпидемии больше, чем говорит. Но обычные мертвецы — не главная угроза. В лесах бродят заражённые волки, среди толп встречаются твари с остатками разума. Это история не о спасении мира, а о том, как далеко способен зайти человек, когда у него остаётся только надежда — и радиочастота, на которой ещё звучат голоса живых.

© Эш Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Джей Эш

Эхо на частоте 140.85

Пролог

Розвуд, Кентукки. 27 июля — 8 августа 1993 года.

27 июля. Утро.

Рэй вышел на крыльцо с чашкой кофе. Небо было чистым, и в нём, далеко на западе, висела точка. Она росла медленно, превращаясь в контур военного вертолёт — тяжёлого, с тупым носом и хищным хвостовым винтом. Машина летела низко, цепляя верхушки деревьев, и звук её был не ровным, словно двигатель работал на пределе.

Рэй проводил её взглядом. Учения. Должно быть, учения. Форт-Кэмпбелл не так далеко, они часто гоняют технику над округом. Ничего необычного. Он допил кофе и пошёл смотреть новости.

«Радиостанция WKNO, чрезвычайный выпуск. Генерал МакМиллан, командующий операцией по сдерживанию, выступил с официальным заявлением: с сегодняшнего дня округ Нокс закрыт на карантин. Генерал подчеркнул, что данная мера предпринята исключительно ради безопасности граждан. Все случаи заболевания локализованы, угрозы распространения за пределы округа нет. Жителям рекомендовано сохранять спокойствие и следить за дальнейшими сообщениями».

29 июля. Вечер.

Запах пришёл с востока. Сначала слабый — Рэй списал на мусорные баки у соседей, на жару, на что угодно. Но к вечеру он усилился и стал гуще. Так пахнет в подвалах старых домов, где застоялась вода. Так пахнет в моргах. Соседка, миссис Гловер, стояла у своего забора и приноживалась.

— Слышали? — спросила она вместо приветствия.

— Что?

— Военные. В городе. Говорят, на восточной окраине что-то нашли. То ли скот, то ли ещё что.

Рэй пожал плечами. Он не слышал. Но запах заставил его запереть окна на ночь.

«Официальный представитель военного командования опроверг слухи о причастности армии к возникновению инфекции. В заявлении, переданном агентством Reuters, говорится: Утверждения о том, что причиной карантина являются старые испытания биологических патогенов на территории штата, являются дезинформацией и провокацией. Никаких испытаний, способных привести к текущей ситуации, на территории Кентукки не проводилось. Вооружённые силы действуют строго в рамках защиты населения».

31 июля. День.

Колонна прошла в полдень. Рэй был в автомастерской, когда услышал рёв двигателей. Он вышел на улицу и увидел три военных грузовика. Они шли медленно, как на параде, но в кузовах сидели солдаты с оружием, а за ними — клетки. В клетках лаяли и выли собаки. Обычные собаки. Дворняги, овчарки, питбули. Они метались за решётками, бились боками о прутья. Один пёс, старый лабрадор с седой мордой, смотрел на Рэя сквозь решётку. Он молчал и глаза... глаза у него были не собачьи.

Колонна ушла на восток. Рэй долго стоял у дороги, прежде чем вернуться в мастерскую.

«Новостной канал CNN, экстренное включение. В студии — генерал МакМиллан. Интервью ведёт Кэрол Дженнингс.

— Генерал, как вы можете прокомментировать сообщения очевидцев о том, что заражённые ведут себя агрессивно и нападают на людей?

— Это единичные случаи, Кэрол. Люди напуганы, и это понятно. Но мы контролируем периметр. Все агрессивные инциденты пресекаются. Я хочу заверить американский народ: армия делает всё, чтобы остановить распространение. Мы не допустим хаоса.

— Но почему тогда нет связи с людьми внутри зоны? Родственники не могут позвонить...

— Мы временно ограничили связь. Это вынужденная мера, чтобы избежать паники и скоординировать эвакуацию. Как только ситуация стабилизируется, связь будет восстановлена».

2 августа. Ночь.

Телефон не отвечал третий день.

Рэй сидел на кухне и слушал гудки. Длинные, ровные — они шли, обрывались, он набирал снова. Пальцы уже помнили номер наизусть: сначала код Малдро, потом семь цифр. Дом бывшей жены. Дом Элизабет. На четвёртый раз трубку сняли.

— Алло?

— Лора? Это Рэй. Что у вас происходит? Я пытаюсь дозвониться уже...

— Рэй. — Голос бывшей жены был сухим, без привычной теплоты. Так говорят, когда устали бояться. — У нас... всё нормально. Относительно. Лиззи спит. Не звони пока.

— Почему? Что значит «не звони»? Я хочу поговорить с дочерью.

— Не сейчас. Она кое-как заснула. — Пауза. А потом шёпотом, быстрым, как пуля: — Здесь военные. Они оцепили школу. Говорят, лагерь для беженцев. Но я не знаю... Рэй, я не знаю, кому верить.

— Лора, дай трубку Лиззи.

— Не могу. Она спит. Я не буду её будить. Позвони завтра.

Короткие гудки

Рэй смотрел на телефон, пока гудки не сменились тишиной. Потом набрал снова. Никто не ответил.

«Обращение президента Соединённых Штатов из Овального кабинета: Мои соотечественники. Сегодня я вынужден сообщить вам тяжёлую новость. Всемирная организация здравоохранения, действуя на основании международного санитарного регламента, ввела карантинные ограничения в отношении Соединённых Штатов. Это решение не является политическим — оно продиктовано заботой о глобальной безопасности. Мы сотрудничаем с ВОЗ и делаем всё возможное, чтобы разрешить ситуацию в кратчайшие сроки. Я прошу вас сохранять спокойствие и доверять нашим военным. Америка переживала тёмные времена и прежде. Мы переживём и это».

«Преподобный Дэниел Хейс, глава Объединённой евангелической церкви Кентукки, выступил перед прихожанами в Луисвилле: Братья и сёстры, я слышу ваши страхи. Я слышу вопросы. Меня спрашивают: неужели армия скрывает правду? Я отвечаю: я знаю генерала МакМиллана лично. Это человек чести. Он бы не стал лгать своему народу. Он христианин. Он молится вместе с нами. Если он говорит, что ситуация под контролем, — значит, так и есть. Сохраняйте веру. Не поддавайтесь панике. Бог не оставит нас».

4 августа. День.

Рэй сидел в гостиной и крутил ручку радиоприёмника. Эфир был забит помехами и обрывочными голосами. Сквозь треск пробивались обрывки фраз: «...просим всех сохранять спокойствие...», «...не пытайтесь покинуть город...», «...любые попытки пересечь периметр будут пресекаться...».

«Брифинг военного командования, прямая трансляция по NBC. Представитель Пентагона зачитал новое постановление: В связи с расширением зоны потенциальной угрозы граница зоны отчуждения перенесена. В неё включён город Луисвилл и прилегающие населённые пункты. Всем жителям предписано оставаться в домах. Военнослужащие Национальной гвардии будут проводить поквартирный обход. Повторяю: сохраняйте спокойствие. Это мера предосторожности, не эвакуация».

«Преподобный Хейс, повторное обращение, 4 августа: Некоторые из вас спрашивают, почему зона расширяется, если всё под контролем. Я скажу вам: это превентивная мера. Генерал МакМиллан и его люди делают тяжёлую работу. Им нужна наша молитва, а не наши сомнения. Сомнение — оружие дьявола. Я призываю вас: не слушайте слухи. Слушайте Бога».

«Фрагмент заявления генерала МакМиллана, перехваченный на частоте армейской связи: ...паникёры и мародёры будут задержаны. Мы не допустим распространения ложной информации. Вся ответственность за утечки, которые вы слышите, лежит на безответственных гражданских лицах, сеющих хаос. Повторяю: ситуация под полным контролем. Никакой угрозы национальной безопасности не существует».

5 августа. Утро.

Город притих. Магазины закрывались раньше обычного. У заправки выстроилась очередь — люди запасались топливом, водой, консервами. По радио передавали экстренное сообщение: округ Нокс закрыт на карантин. МакМиллан заверял, что ситуация под контролем.

Рэй не верил ни слову.

Он собрал сумку. Таблетки, документы, фотография Элизабет, охотничий нож, старая отцовская куртка. Сумка стояла в прихожей, наготове. Он ещё не знал, куда пойдёт, но знал, что сидеть и ждать больше нельзя.

«Сообщение агентства Associated Press: Связь с округом Нокс полностью прервана. По неподтверждённым данным, на территории округа наблюдаются перебои с электричеством и водоснабжением. Военное командование отказывается комментировать сообщения о стрельбе и пожарах в районе. Белый дом ограничился кратким заявлением: „Мы делаем всё возможное“».

6 августа. Сумерки. Рэй сидел у окна кухни. И его заинтересовал кто-то на улице.

Человек вышел из-за дома напротив — неловкой, дёрганой походкой. Одна рука висела плетью, голова была наклонена набок, словно он пытался рассмотреть что-то на земле. Одежда грязная, на рубашке — бурые пятна.

Рэй замер. Сосед, мистер Хендерсон, пенсионер, живший один с тех пор, как умерла его жена. Он всегда махал Рэю по утрутам.

Сейчас он не махал.

Он остановился посреди улицы, повернул голову — Рэй готов был поклясться, что услышал хруст шейных позвонков, — и уставился на окно. Глаза его были открыты, но они были пусты.

Рэй отошёл от окна. Рука сама потянулась к сумке в прихожей. Он проверил нож.

Телефон молчал. Радио передавало речь генерала. Рэй понял: что-то началось.

«Диктор ABC News, голос дрожит: Мы только что получили сообщение... Подтверждено: военный конвой, пытавшийся покинуть Луисвилл, был атакован. Есть жертвы среди военнослужащих. Генерал МакМиллан не выходит на связь. Мы пытаемся получить комментарий от...» Связь обрывается. В эфире — шипение.

8 августа. Утро.

Рэй сидел на полу в тёмной гостиной, привалившись спиной к дивану. В доме было тихо — только холодильник гудел где-то на кухне. Он держал в руках рацию, ту самую, которую забрал у мёртвого солдата вчера.

Он крутил колёсико настройки. На некоторых волнах ещё теплилась жизнь — кто-то просил помощи, кто-то передавал координаты, кто-то просто плакал в эфир, не называя имени.

А потом он поймал волну, которую знал. Голос, который знал.

Преподобный Хейс.

Рэй прибавил громкость.

„...и я должен вам кое-что сказать. Я должен... — Голос пастора срывался. Он звучал иначе — не как в прежних проповедях. Он был сломан. Настоящий. — Генерал МакМиллан лгал. Я лгал. Нам лгали все. То, что вы видите за окнами, — это не учения. Это не карантин. Это... это конец. Берите оружие. Спасайте себя и близких. Да поможет нам Бог...“

Сигнал прервался. Сначала — короткий треск, потом — вой сирены, далёкий, надрывный, и наконец — тишина. Мёртвая тишина эфира.

Рэй выключил рацию. Он встал. Спина отозвалась болью — тупой, привычной. Он взял сумку, закинул на плечо. Обошёл дом, проверил замки, задёрнул шторы. На секунду задержался у фотографии Элизабет на каминной полке — той самой, где она смеялась, запрокинув голову, а на виске белел крошечный шрам от кошачьей царапины.

Он убрал фотографию в нагрудный карман. И вышел за дверь.

Глава 1

Роузвуд, Кентукки. 09 августа 1993 года. 06:05.

Рация ожила в пять минут седьмого.

Рэй как раз сидел на полу чужой гостиной, привалившись спиной к дивану, и пытался размять поясницу. Спал он урывками, на голом матрасе в спальне на втором этаже, и спина напомнила о себе сразу, как только он открыл глаза.

Рация стояла на журнальном столике, и, когда из неё послышался голос, Рэй вздрогнул.

«...Внимание. Экстренное сообщение метеорологической службы округа Нокс. На ближайšie сутки прогнозируется ясная погода, возможна переменная облачность. Ветер северо-восточный, пять—семь миль в час. Видимость хорошая. Военное командование округа напоминает: жителям рекомендуется оставаться в укрытиях. Сохраняйте спокойствие. Помощь будет оказана в ближайшее время...»

Пауза. Треск помех. Потом запись пошла по кругу — те же слова, тот же ровный, почти скучный голос, словно за окном был обычный август и обычные утренние новости.

Рэй слушал, пока сообщение не повторилось дважды. Потом выключил рацию.

Он поднялся — медленно, придерживаясь за подлокотник дивана. Спина отозвалась тупой болью, привычной, но от этого не менее противной. Вчерашний день вымотал его: сначала выход из дома, потом полтора часа коротких перебежек, когда он двигался от машины к машине, от забора к забору, прячась от каждого шороха. Он успел пройти всего пять домов, прежде чем понял, что не выдержит: боль стала такой, что он почти не чувствовал левую ногу. Пришлось забираться в первый попавшийся дом, запираť двери и ждать утра.

Теперь утро наступило.

Рэй оглядел комнату. Гостиная как гостиная — диван, кресло, журнальный столик, книжный шкаф у стены. На каминной полке — фотография в рамке: мужчина, женщина, двое детей. Все улыбаются. Рэй отвёл взгляд. Он не знал этих людей и не хотел знать, что с ними случилось.

Он потянулся, разминая плечи, и начал осмотр.

Кухня встретила его запахом прокисшего молока. Холодильник был открыт, пол усеян осколками разбитой тарелки. Кто-то здесь уже побывал — может, хозяйева, когда уходили в спешке, может, мародёры, а может, и заражённые. Рэй не знал и не собирался выяснять.

Он проверил шкафы. Две банки консервированных бобов — хорошо, взял. Пачка соли — взял. Спички, почти полный коробок, — взял. В ящике под раковиной лежал кухонный нож, но у Рэя уже был свой, так что чужой он трогать не стал.

В гостиной, кроме мебели и пыли, ничего полезного не нашлось. Книжный шкаф он проверил скорее по привычке, чем из расчёта — иногда люди прячут ценные вещи за книгами. Ничего.

Коридор вёл к лестнице на второй этаж. Сначала — верхний этаж.

Лестница скрипела почти на каждой ступеньке. Рэй морщился, но продолжал подъём — всё равно в доме никого не было, он знал это, проверил ещё вчера, перед тем как лечь.

На втором этаже — три комнаты: спальня, детская, ванная.

Ванная — пусто. Аптечка на стене, уже кем-то открытая. Бинтов нет, пластырей тоже. Зато на полочке над раковиной Рэй нашёл полупустой пузырёк обезболивающих. Повертел в руках, прочитал этикетку — то, что надо. Убрал в рюкзак.

Детская — маленькая комната с кроватью под окном. На кровати лежал плюшевый медведь, одноглазый, с оторванной лапой. Рэй замер на пороге. Медведь смотрел на него единственной пуговицей и молчал. Рэй вспомнил Элизабет — ей было пять, когда она потеряла своего плюшевого зайца и проплакала весь вечер, пока Рэй не нашёл его под диваном. Он тряхнул головой, отгоняя воспоминание, и закрыл дверь.

Спальня — та самая, где он ночевал. Матрас на полу, смятые простыни, шкаф у стены. Шкаф он не проверял — не до того было ночью, сил хватило только на то, чтобы запереться и рухнуть на матрас.

Теперь он открыл его.

Одежда. Летние рубашки, брюки, пара ботинок на нижней полке. Рэй уже собирался закрыть дверцы, когда заметил что-то в углу — тёмный силуэт, длинный, приставленный к задней стенке.

Бейсбольная бита.

Он достал её, взвесил в руке. Деревянная, старого образца, с потёртой рукоятью и парой щербин на ударном конце. Кто-то играл в бейсбол — может, хозяин дома, может, его сын. Теперь бита лежала в шкафу, никому не нужная.

Рэй сделал пробный замах. Спина тут же напомнила о себе — резкая вспышка боли между лопаток, такая, что он зашипел и опустил руку.

Нет. Размашистые удары не для него. Но короткий, от локтя, — вполне. И главное: бита давала дистанцию. Нож хорош вблизи, но, когда перед тобой заражённый, расстояние в пару футов может спасти жизнь.

Он замер вполоборота, прислушиваясь к ощущениям. Терпимо. Паршиво, но терпимо. Хуже всего было по утрам — после сна мышцы затекали, и нужно было время, чтобы расхотиться. Морфин он берёт. Обезболивающие, которые нашёл, могли помочь, но не сразу — таблеткам нужно время, чтобы подействовать.

Рэй сунул нож в ножны на ремне, а битку оставил в руке. Привычно перехватил поудобнее. Вес хороший. Не такой, как у пожарного топора, но лучше, чем ничего.

Он спустился обратно в гостиную.

За окнами светало.

Первые лучи пробивались сквозь грязные шторы, рисуя на полу длинные серые полосы. Рэй подошёл к окну, отодвинул штору — совсем чуть-чуть, на ширину пальца. Улица была пуста. Пара брошенных машин, мусор, перевёрнутый почтовый ящик у соседнего дома. Никакого движения. Никаких заражённых.

Он выдохнул.

Пора идти. Пожарная часть была в полутора милях к западу — там могли быть выжившие или то, что ему могло пригодиться. Полторы мили по городу, где на каждом углу может ждать опасность. С его спиной — часа полтора, если повезёт.

Рэй надел рюкзак, проверил, легко ли вынимается нож, и взял битку в правую руку. Левая придерживала лямку рюкзака.

Он подошёл к двери, отодвинул засов.

И вышел на крыльцо.

Воздух на крыльце был прохладным — ночная сырость ещё не ушла, и от мокрого асфальта тянуло холодом. Рэй постоял несколько секунд, прислушиваясь. Где-то далеко, кварталах в трёх, лаяла собака — обычным, надрывным лаем, без примеси того утробного рычания, которое он уже слышал по ночам. Обычная собака.

Он поправил лямку рюкзака и шагнул с крыльца.

Бита удобно легла в правую руку. Левая держалась ближе к корпусу, готовая в любой момент ухватиться за рукоять ножа. Рэй выработал эту привычку ещё в пожарной службе.

Он двинулся вдоль улицы, держась ближе к домам. Не по тротуару — он слишком открыт. Рэй шёл по газонам, мимо живых изгородей и перевёрнутых мусорных баков, переступая через обрывки чьей-то прошлой жизни: детский велосипед, брошенный посреди дороги; раскрытый чемодан, из которого вывалилась одежда; одна туфля, женская, красная, лежала на обочине, словно знак вопроса без ответа.

На перекрёстке Рэй остановился.

Слева, у старого фургона с выбитыми стёклами, кто-то стоял. Вернее, не стоял — покачивался, перенося вес с ноги на ногу, словно пьяный. Голова опущена, руки висят вдоль тела. С такого расстояния трудно было разобрать, мужчина это или женщина, но Рэй уже знал этот тип движений. Неуверенный, лишённый цели, но при этом странно настойчивый.

Заражённый.

Он не заметил Рэя — зараженный стоял лицом к фургону, словно разглядывал что-то в разбитом окне. Может, собственное отражение. Может, ничего. Рэй не стал проверять. Он обогнул перекрёсток через задний двор, перелез через низкий штакетник — спина протестуяще хрустнула, пришлось на секунду задержаться, переводя дыхание, — и вышел на параллельную улицу.

Чисто.

Он пошёл быстрее.

Квартал за кварталом. Улицы Розвуда были похожи одна на другую: одноэтажные дома с белыми заборами, клёны вдоль дороги, старые «форды» и «шевроле», припаркованные так, словно хозяева только что вышли за покупками. Но хозяева не возвращались.

Дважды Рэй замечал заражённых. Первый раз — молодая женщина в разорванном платье сидела на ступеньках крыльца и раскачивалась взад-вперёд, обхватив плечи руками. Живая? Нет. Когда Рэй поравнялся с ней на безопасном расстоянии, она подняла голову, и он увидел глаза. Пустые. Белёсые. Мёртвые. Она не встала, не пошла за ним — только проводила его взглядом и снова опустила голову, словно потеряла интерес.

Второй раз — мужчина в комбинезоне, лежащий на дороге. Сначала Рэй подумал: труп. Но потом труп пошевелился и попытался подняться. У него не было одной ноги, и он заскрёб пальцами по асфальту, силясь ползти. Рэй обошёл его по дуге и не оглядывался.

Через сорок минут после выхода он почувствовал, что спина начинает сдавать. Не острая боль — тупая, ноющая, как зуб, который вот-вот проснётся. Рэй знал этот сигнал: ещё полчаса, и боль станет постоянной, будет мешать двигаться, замедлит реакцию. Он достал из рюкзака пузырёк обезболивающих, вытряс на ладонь две таблетки, проглотил, не запивая. Воды было мало, он экономил.

Оставалось ещё полмили.

Пожарная часть показалась из-за поворота, когда солнце уже поднялось над крышами.

Рэй остановился на углу, у ржавого почтового ящика, и долго смотрел на здание. Оно стояло на пересечении двух улиц — приземистое, кирпичное, с двумя большими воротами для машин. Фасад был цел, окна на месте, даже эмблема пожарной службы над главным входом не была сорвана. Издалека могло показаться, что часть ещё работает — что сейчас откроются ворота и выедет машина с включённой сиреной.

Но чем дольше Рэй смотрел, тем больше деталей замечал.

Ворота были приоткрыты — ровно настолько, чтобы человек мог протиснуться внутрь. На подъездной дорожке стоял пикап с распахнутой дверцей, и на земле рядом с ним темнело что-то, похожее на пятно крови. А главное — окна первого этажа были глухими. Не разбитыми, не заколоченными досками снаружи — они были закрыты изнутри. Чем-то тёмным, словно кто-то натянул одеяла или заставил их мешками с песком. Стекло не давало ни малейшего намёка на то, что внутри.

Кто-то забаррикадировался.

Кто-то живой, а может, уже нет.

Рэй перехватил битую поудобнее и всмотрелся в тёмные окна. Никакого движения. Никаких звуков, кроме утреннего ветра, гонявшего по асфальту обрывок газеты. Но интуиция, старая пожарная интуиция, которая не раз спасала ему жизнь, говорила: внутри кто-то есть.

Он не знал, друг это или враг.

Но он знал, что ему нужны припасы. И что в одиночку до Малдро не дойти.

Рэй поправил рюкзак и двинулся к зданию.
09 августа 1993 года. 07:45.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.